Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Про завод. Эпизод второй

Эпизоды между собой могут быть не связаны Псалом Давида
«Дней лет наших семьдесят лет, а при большей
крепости восемьдесят лет; и самая
лучшая пора их — труд и болезнь» Пс. 89, 10
На завод я пришёл перед новым годом.
Перед этим, проработав восемь месяцев охранником (ночным) в супермаркете, уволился и зарабатывал курсовиками и контрольными.
Можно было конечно совмещать, но заказов перед новым годом навалилось много, и я уволился.
А через два дня позвонил друг
— Ты где сейчас работаешь?
— Сейчас нигде, дома сижу
— Так может на завод?
— Куда?
— Стрелочный
— Далековато от моего массива
— Да к нам со всего города народ ездит, на электричке. Удобно. Проезд бесплатный. Ты технологом работал на последнем месте?
— Не, технологом не хочу. На последнем месте я работал конструктором
— Ну так давай, я переговорю с главным, конструкторы требуются
Я вздохнул «Нахватал заказов и вот» — А зарплату не задерживают?
— Нет, вовремя и аванс, и зарплата
— А сколько?
— Я точно не знаю, сколько конструкторы получают, но меньше 17 тысяч не будет
Я молчал обдумывая
— Ну та как Дима, мне переговорить с главным?
— Да, Никита, поговори
— Я позвоню, как поговорю. Пока
— Пока
Никита позвонил на следующий день
— Ну всё, я переговорил с главным, позвони ему, записывай телефон
Я записал телефон и позвонил.
Меня пригласили на собеседование и через два дня я уже работал на новом месте. Времени на решение контрольных не стало и от всех заказов пришлось отказаться.
Опыт у меня был, программу я знал и работой меня загрузили сразу.
Отдел главного конструктора делил третий этаж административного корпуса с отделом главного технолога. В отделе было четыре помещения: кабинет главного конструктора, кабинет нормативной документации (здесь ещё сидели и два конструктора), основное помещение, где сидели все конструкторы и архив: небольшая, без окна в стене, но с небольшим окошком над дверью, комната со стеллажами вдоль стен и столом посередине.
Когда главный знакомил меня с коллективом, её не было и он, указав на пустое кресло,

сказал — А здесь рабочее место Людмилы Михайловны, хозяйки архива. Она в отпуске.
Людмила вышла на работу через неделю и сразу же в отдел, знакомиться с новым сотрудником.
— Здравствуйте! — услышал я за спиной и обернулся
Она замерла, испуганно на меня глядя.
Худощавая брюнетка, с короткой причёской. Зелёные глаза, не накрашенные и блёклые губы. Маленькая, едва заметная под кофточкой, грудь. Чёрные прямые брючки и чёрные туфельки.
Я встал — Здравствуйте!
Наконец, она пришла в себя — Людмила Михайловна, а вы — Дмитрий Георгиевич? — и, через силу (это было заметно), выдавила на губах улыбку.
Когда она ушла, объяснив мне, как пользоваться архивом и, как заказывать ГОСТы, я спросил у моего соседа, пожилого, предпенсионного возраста, конструктора Дрёмова — Николай Владимирович, а почему она так испуганно на меня смотрела?
Дрёмов повернулся ко мне — Людмила год назад мужа схоронила. Ты очень похож на него, даже стиль одежды совпадает: он тоже никогда не носил галстука и тройку. Я сам, когда тебя увидел, слегка перетрусил — Дрёмов улыбнулся.
ГОСТ мне понадобился через неделю, и я зашёл в комнату к Людмиле Михайловне.
— Слушаю вас, Дмитрий Георгиевич — с улыбкой встала она и уточнила — Вы ко мне?
Я пару раз заходил в эту комнату, чтобы переговорить с Вадимом, конструктором, рабочее место которого было здесь.
Я протянул ей листок
— Вы нормально себя чувствуете рядом с Дрёмовым? — спросила она, держа листок в руке.
Не поняв смысла сказанного я, с удивлением, на неё смотрел.
Она, бросив взгляд на Вадима и Олесю (ещё один конструктор в этой комнате) и, чуть понизив голос, выложила — Он такой зануда! Как вы его терпите?
Я улыбнулся.
Да, я уже успел узнать, что Дрёмов был отчаянный спорщик и никогда, и ни с кем, не соглашался, отстаивая своё мнение, которое он считал единственно верным!
Какие бы контраргументы, на его аргументы, не выдвигали!
— Ну да, он спорщик! Отчаянный спорщик, но он очень опытный и грамотный конструктор.
— Да, грамотный — ответила Людмила — Да, опытный, но такой зануда! А он вам не рассказывал, как ходил в паспортный стол и ругался из-за буквы ё в фамилии? Нет? Расскаажет! А он вам рассказывал, как вместо психиатра зашёл в кабинет к психологу? Нет? Расскаажет!
Я придвинул лицо к её лицу и, понизив голос до шёпота, сказал — А он вам не рассказывал... — и замолчал.
Она, широко распахнув глаза, также шёпотом, спросила — О чём?
Я выпрямился и ответил — Расскаажет!
Внимание на лице, сменилось на недоумение, недоумение сменилось на удивление, и... она захохотала.
Громко, не сдерживаясь.
Обернулась от своего компа Олеся и заулыбалась.
— Ой! — Людмила прикрыла рот, но не смогла удержаться и снова засмеялась.

Олеся встала и подошла к нам — Что это вы рассказали Людмиле Михайловне? Мы уже давно не слышали, чтобы она так смеялась?
— Вот ГОСТ, Дмитрий Георгиевич
Я взял ГОСТ — Пойду поработаю, делу время…
Она опять засмеялась — Я расскажу Олеся. Вы расписались, Дмитрий Георгиевич? — она опустила ладонь на развёрнутую общую тетрадь. Вот здесь — показала она пальчиком
Я расписался и вышел
С этого дня, отношения у нас стали дружескими и тёплыми.
Когда мне нужен был ГОСТ или другой нормативный документ, я оставлял листочек на её столе (если её не было на месте) и она сама приносила: и документ, и тетрадь для росписи.
Она садилась на второй стул у моего стола, и мы с нею вполголоса болтали обо всём подряд: она рассказывала о внучке, я о своих детях, вспоминая смешное, когда они были маленькими
Мой стол стоял в углу, слева окно, а справа, где второй стул, стоял книжный шкаф со справочной литературой. Этим и ещё одним шкафом, приставленном под углом, выделялся закуток для раздевалки. Когда, кто-то из технологов заходил в её кабинет, а Людмилы не было, он заходил в отдел и спрашивал — Где спрятали Людмилу Михайловну?
Она, подхватившись, вставала — Здесь я! Иду!
23 февраля в том году выпало на понедельник и праздник мы отмечали в пятницу.
Перед обедом, Людмила зашла в отдел и села на стул у моего стола.
— Вы заказали оригиналы чертежей приспособления для навивки проволоки
Я оторвался от компа — Да, Людмила Михайловна
— Обязательно нужны сегодня?
Я пожал плечами — А что, Людмила Михайловна?
— Да время обед, пора уже и стол накрывать. Может после праздника?
Я не успел ответить
Развернувшись к нам на своём кресле, Николай Владимирович процитировал — «Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь»
Я улыбнулся, а Людмила поджала губы.
Псалом Давида, человека Божия — закончил Дрёмов
Я повернулся к Дрёмову — Псалом Моисея
Не ожидая этого, Дрёмов вскинул на меня глаза и повторил с нажимом — псалом Давида!
Я ощутил, физически ощутил, как напряглась за моей спиной Людмила Михайловна. В отделе зависла тишина и сотрудники, повернув головы в нашу сторону, застыли в ожидании.
— Псалом Моисея, восемьдесят девять, стих десять — я расслабился и с усмешкой взглянул Дрёмову в глаза
Он заёрзал в кресле и снова повторил — Псалом Давида — но, уверенности в голосе, уже не было
— Зачем мы спорим? — сказал я — Я видел у вас Псалтирь, давайте проверим?
Он обрадовался и, поворачиваясь в кресле, и потирая руки — А действительно, сейчас проверим, кто прав?
Он всё ещё был уверен, что прав он.
Дрёмов выдвинул ящик и достал Псалтирь, и листая его приговаривал — Сейчас посмотрим… вот! Семидесятый! — Он победоносно на меня взглянул и опустил глаза и удивлённо

произнёс — Тут не написано, кто автор псалма
Он пробежал псалом глазами — Нет, не в этом
— Наверное в семьдесят втором — он листнул — Псалом Асафа — и снова пробежал глазами — Неэт! — уверенности больше не было в его голосе
— Николай Дмитриевич, откройте восемьдесят девятый псалом, стих десятый
Он полистал Псалтирь — Восемьдесят девятый, молитва Моисея, человека Божия — и, скользнув взглядом, замер…
Поднял на меня глаза — Да, Моисеев, но почему я думал, что Давида
Он искал оправдание для себя
И опять, я физически ощутил, как за спиной расслабилась Людмила и, не оборачиваясь, увидел её улыбку.
Оживились коллеги и стали сдвигать на середину комнаты столы.
Я не стану вас утомлять тостами, которые произносятся по случаю праздника 23 февраля. Я не стану рассказывать, сколько было выпито вина, виски и водки! Я сразу перейду, к тому, ради чего весь этот рассказ зачинался!
Отзвучали последние аккорды танго и сразу же зазвучал «Белый танец».
Вадим и Олеся, не успев отстраниться друг от друга, закружились в вальсе.
— Я приглашаю вас! — Людмила стояла возле меня
Я поднялся, и мы двинулись на свободное место. Когда я приобнял её за талию, Людмила негромко произнесла — Я пьяная, Дмитрий Георгиевич, один круг пройдём и перейдём на медленный танец.
Я качнул головой и повёл её по кругу.
Она танцевала легко, слегка откинувшись. Мы прошли круг и перешли на медленный танец. Её руки легли на мои плечи, мои руки на её талию. Не знаю, почему я это сделал: после вальса дистанция между нами была на две ладони, но я потянул её к себе поближе и не рассчитал. Она шагнула, и её правая нога оказалась между моих ног, а моя правая между её ног. Людмила Михайловна не отстранилась, и мы двигались в медленном темпе.
Людмила поправила завиток и взглянула прямо в мои глаза — Как вы его сегодня срезали!
Я сделал вид, что смущён.
— Нет, правда, Дмитрий Георгиевич, ведь он считает себя знатоком библии и нас этим всегда подтыкал, а вы подтыкнули его!
Она смотрела на меня во все глаза и, казалось, готова чуть ли не расцеловать!
А я ощутил, что мой член встал и трётся об её ляжку.
А вальс заканчивался и уже звучали последние аккорды.
Я почувствовал, что заливаюсь краской.
— Идите за мной — шепнула она мне на ухо.
Людмила обходила стол, направляясь к выходу из отдела, а я шёл следом по правому плечу.
Она вышла в коридор и оглянулась, опустив глаза: член заметно выпирал!
Людмила подошла к архиву и открыла дверь
— Ну что вы? Заходите! — подтолкнула она, и я подумал, что она меня сейчас здесь запрёт.
Я шагнул в комнату, она следом.
Заперев дверь на ключ, она повернулась ко мне.
В темноте я только видел её поблёскивающие зрачки.
Я стоял, не зная, что делать.

— Ну! Или мне самой начать? — она приблизилась ко мне.
Теряя обладание и, словно ныряя в прорубь, я схватил её за плечи и притянул.
Она подалась и прильнула ко мне. Я сдвинул руки к её поясу и стал расстёгивать ремешок на брюках, потом расстегнул пуговицы и брюки упали к ногам. Встал на колени и потянул с её жопы трусики. Она переступила и отодвинула брюки в сторону.
Я поспешно расстёгивал ремень и молнию, и стянул с себя брюки, зацепив и трусы.
Схватил её за жопу и притянул: хуй ткнулся в лобок, и она стала раздвигать ноги.
Я сжал её бёдра, приподнял и насадил пиздою на торчащий хуй. Мне она показалась лёгкой, почти невесомой. Людмила, прижимаясь ко мне, держалась за плечи, а я, сжимая и поддерживая за ягодицы, ебал её, приподнимая и опуская, и ноги женщины не доставали до пола. Через две минуты она потяжелела и шагнув, и сняв с хуя, я посадил её на стол. Она легла, и её пизда оказалась на уровне с моим торчащим хуем и мне не пришлось ни приседать, ни приподниматься на носках, чтобы... я лишь чуть подтянул её за ноги и снова засадил.
Я ебал её и руками расстёгивал пуговицы на кофточке. Она помогала мне. Но под кофточкой была блузка, а под блузкой лифчик...
— Блядь! — разозлился я
Она задрала блузку под самый подбородок и стянула с титек лифчик, и я сжал её груди: маленькие и уже рыхловатые, с дряблыми сосками, но почему-то это распалило мою похоть, и я мял, и стискивал титьки, причиняя боль, а она терпела и лишь негромко постанывала.
Минут через восемь я понял, что не солью и, вытянув член из пизды, сдёрнул её со стола и резко развернул спиной к себе.
Она, молча, всё терпела
— Наклонись!
Она опустилась грудью на стол.
Я раздвинул ей ноги пошире и, прижав залупу к анусу, просунул в жопу?
Она охнула — Что ты делаешь? Зачем? Мне больно!
Но я уже ебал её в жопу, грубо и резко засаживая. Она ёрзала животом и грудью по столу, и громко, не сдерживаясь, стонала.
Через минуту я задрожал и излился с хриплым стоном.
Вытащив хуй из жопы, отодвинулся от стола.
Она выпрямилась, развернулась и опустилась передо мной на колени.
— Ты что?
— Я хочу сосать!
— Из жопы?!
— Из моей жопы! — хмыкнула она и припала к хую
Так виртуозно и так смачно меня ещё не сосали!
Ну, а если честно?
Мой хуй сосали в первый раз!
И, через две минуты, невероятно сладких оральных ласк, я излился спермой в её маленький ротик!
Людмила проглотила сперму, облизала залупу, её руки безвольно опали с моих бёдер и, опустившись на пол, она прислонилась спиной к столу.
Я присел: глаза закрыты, на губах блуждает улыбка.

Она открыла глаза — Ты доволен? Тебе хорошо?
Я качнул головой — Да!
— Мне тоже да! — улыбнулась она и опять закрыла глаза.
По коридору кто-то шёл и разговаривал — Ты не видел Людмилу?
— Нет. Но я и Диму не видел!
— Ааа! Так он, наверное, пошёл её провожать…
Шаги и говор стихли, а мы, прижимая пальцы к губам, смотрели друг на друга и улыбались.
…
Закончились выходные.
Я подходил к корпусу и сердце билось всё сильнее: мы были пьяны и не вполне отдавали отчёт, тому, что делаем. Но как сегодня я посмотрю в её глаза и как она будет вести себя?
Я мучился от неизвестности и неизбежности встречи с нею.
Вот я поднялся на третий этаж. Вот я иду по коридорчику и дверь её кабинета, как и всегда, открыта. Я подхожу к двери и…
Её не было на своём месте!
Я обвёл кабинет взглядом, но ничего необычного не увидел. Вздохнул, развернулся и зашёл в отдел, громко, со всеми, кто уже был, поздоровавшись.
Зайдя в закуток раздевалки, снял куртку и переобулся.
Обошёл шкафы и, поздоровавшись с Дрёмовым, которого от двери не было видно, повернул к своему столу…
Она сидела на втором стуле и смотрела на меня.
Я замер!
— Здравствуйте, Дмитрий Георгиевич! — она встала
— Здравствуйте, Людмила Михайловна! — я повесил свою сумку на спинку стула
— Вы спрашивали перед выходными — она смотрела на меня без улыбки — оригиналы чертежей приспособления для РМЦ. Я подобрала, посмотрите?
— Да! — кивнул я и мы вышли из отдела.
Она открыла архив, и мы зашли.
Она заперла дверь и повернулась.
Теперь она улыбалась.
Дмитрий — она держала дистанцию — вы понимаете, то что произошло, продолжения иметь не будет. Мы друзья, хорошие друзья, очень хорошие, но продолжения интимных отношений не будет.
— Людмила — я шагнул к ней — Я понимаю, то что произошло, произошло под воздействием изрядной доли вина и водки. Да, мы друзья! Да, мы очень хорошие друзья! И я обещаю, что останусь твоим другом. Но одного я не могу обещать, что когда-нибудь скажу тебе, что ты мне не нравишься и, что я тебя не хочу больше, как женщину!
Она с улыбкой смотрела в мои глаза.
…
Шёл всего лишь третий месяц моей работы на этом заводе и впереди было ещё целых четыре года.
З. Ы. Если кто-то подумал, что здесь есть выдумка… Неэээ, ребят, здесь всё голимая правда, всё именно так и былО! Ну, завод конечно другой, имена другие, а в остальном — б/и (без изменений).